

УДК 811.161

Ваганова К.Р.

(г. Москва)

ПРЕДИКАТЫ “ПОИСКАТИ” И “РАЗЫСКАТИ” В СИСТЕМЕ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (ПО ДАННЫМ «СЛОВАРЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА XI-XVII ВВ.)

Аннотация. В статье рассматривается становление лексической системы розыскного делового языка на примере двух предикатов – *поискати* и *разыскати*. Исследование осуществляется на материале словарных статей «Словаря русского языка XI-XVII вв.». Применён метод контекстуального анализа. В результате сделаны выводы о стадийности развития смысловых вариаций, их зависимости от определённых жанрово-стилистических характеристик того или иного памятника письменности. Отношения ядра и периферии в плане смысловой репрезентации оказались подвержены диффузионным процессам трансформации, что обусловило экспликацию розыскных знаний только во второй половине XVII в.
Ключевые слова: русский литературный язык, деловой язык, розыскной деловой язык, деловая письменность, семантические признаки, отношения ядра и периферии.

K. Vaganova

(Moscow)

THE PREDICATE «POISKATI» AND «RAZYSKATI» IN THE RUSSIAN
LITERARY LANGUAGE (ACCORDING TO «THE RUSSIAN LANGUAGE
DICTIONARY OF XI-XVII CENTURIES»)

Abstract. This article examines the emergence of the lexical system investigative business language on the example of two predicates - *poiskati* (to search) and *razyskati* (to detect). The study is carried out on the material of the entries of «The Russian Language Dictionary of XI-XVII centuries». The method of context analysis was applied. As a result, it was concluded that the semantic variations have a stage development, and depend on the genre and stylistic specific characteristics of any work of literature which has great importance. Core and periphery relationship in terms of semantic representations turned to be confirmed by the diffusion processes of transformation, resulting in the explication of the investigative knowledge only in the second half of the XVII century.

Key words: Russian literary language, the language of business, investigative business language, business literature, semantic features, core and periphery relationship.

Обращение к историко-лингвистическим словарям каждый раз позволяет эксплицировать культурную память наших предков, прикоснуться к прошлому Российского государства. Актуальность такого исследования, безусловно, огромна в силу малоизученности всех контекстов различных памятников письменного слова. Для представления более многомерной картины мира проследим становление семантического потенциала предиката *поискати*. Этому глаголу в истории русского литературного языка была присуща многомерная характеристика смыслов. Так, «Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует восемь значений, более или менее связанных друг с другом.

В первом значении рассматриваемый глагол начинает функционировать как ‘*заняться поисками кого-, чего-л., постараться найти, обнаружить кого-, чего-л., поискать*’ еще в конце XI в.: «Въ градѣ, въ немъ (же живее)ши, и въ инѣхъ окръстныхъ поишти... единого члвгк бояштя ся» (Изб.Св.1076 г., 178) [4, с. 135]. Важным в этом случае оказывается организация официальных мероприятий, в результате которых возможно было разрешение тех или иных антинормативных проблем (поиски беглого человека каждый раз довольно сложны, требуют большого единения сил).

Второе значение репрезентирует значение желательности – ‘*захотеть, попытаться что-либо сделать*’: «Услыша Иродъ и поиска убити его [Иисуса] и посла погубити вся отрочата еврейская» (О страд. Христа, Лож. и отреч. кн., 96, XVII в.) [3, с. 135]. Данная сема эксплицирует гипонимические отношения в языке: первоначально возникает желание что-либо сделать, а затем – само действие. Соответственно, предикат *поискати* представляет вариацию возможных активностей человека. Третье значение – ‘*постараться получить, добыть что-либо, домогаться чего-либо*’ – начинает употребляться еще в «Изборнике Святослава» 1076 г.: «Не постави его [врата] одесную себе, да поиштеть сѣдалишта твоего». В контекстах XIII в. также фиксируется подобное словоупотребление: «Съзва Мьстиславъ вѣцѣ на Ярославъ дворъ, рече: кланяюся святѣй Софии, и гробу отца моего и вамъ; хоцю поискати Галиця, а васъ не забуду» (Новг. I лет., 206) [3, с. 135].

Интересен тот факт, что не все семантические признаки, присущие предикату *поискати*, оказались пролонгированы через несколько столетий. Так, например, четвертое значение (‘*испросить, обратиться с прошением, ходатайствовать*’) было утрачено в современном русском языке, хотя в памятниках письменности XVI–XVII вв. было довольно частотно. Так, в «Словаре...» находим такие примеры: «Аще ли кому буду запретилъ... а не поискалъ будетъ разрѣшения отъ насъ, а въ томъ забытии учинилася будетъ смерть... всѣхъ тѣхъ имѣю о святѣмъ дусѣ разрѣшенныхъ» (Дух. Мт. Макария, АИ I, 331, 1563 г.); «И тебе б Баграту царю поискать к себе

ц-ого в-ва жалованья так же, как и отец твой Александр царь. И был бы еси под ц-ого в-ва рукою со всею своею Меретинскою землею» (Посольство Толочанова, 17, 1650 г.) [3, с. 135]. В данном случае мы наблюдаем картину некоторой трансформации семантического ядра: глагол *ходатайствовать* вытеснил глагол *поискать*. Такие метаморфозы предполагают типичный характер репрезентации в процессе формирования и становления лексической системы русского литературного языка.

Тематическая связанность с процессом говорения как актом осуществления официальных мероприятий аккумулируется в пятом и шестом значениях глагола *поискати* одновременно – ‘спросить, спросить’ и ‘разузнать, расспросить’: «А чего ми буд(еть) искати на твоих боярехъ или чего искати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати от собя по боярину, тѣ тому дѣлу учинять исправу... А чего ны буд(е) тѣ поискати, тобѣ ли мнѣ ли, а тому тако же межи нас исправа» (Дух. и дог. гр., 20, ок. 1367 г.) [3, с. 135].

Седьмое значение (‘начать военную кампанию против кого-л. с целью захвата пленных, добычи и т.п.’) также оказалось имплицировано из лексической системы современного русского языка. При этом «Словарь...» фиксирует появление предиката в системе такой семантической характеристики только в конце XV в.: «На его [римского короля] недруговъ, и на Казимира короля и на его дѣтей хотимъ ему помогати чтобы какъ далъ Богъ ему помогати, чтобы какъ далъ богъ намъ надъ своими недруги поискати» (Рим. имп. д. I, 80, 1492 г.) [3, с. 135]. И, наконец, сема ‘одарить чем-либо, награждать’ фиксировалась в памятниках письменности XVI в.: «А что естя къ намъ прислали дары: персидцкаого дѣла златоглавы, и насъ тѣмъ поискали, и мы за то любително дякуемъ» (Рим. имп. д. II, 303, 1596 г.) [3, с. 136].

Категория возвратности также была присуща предикату *поискати*. Форма *поискатися* репрезентируется в контекстах второй половины XVII в., носит однозначный характер экспликации в памятниках письменности. Семантическое наполнение этого глагола представлено следующим образом – ‘изыскаться, быть полученным (о прибыли)’: «А за тое великого государя царского величества милость, яко отъ вѣрныхъ величества милость, яко отъ вѣрныхъ подданныхъ прибыль поищетца его, великого государя, казнѣ такую мѣрою» (ДАИ V 5, 1666 г.) [3, с. 136].

В «Словаре...» были зафиксированы два отглагольных существительных: *поиск* и *поискание*, которым были присущи разные семантические картины. Первая – процесс длительный, однонаправленный, динамичный, вторая – действие желательное, стремительное, связанное с теми или иными розыскными мероприятиями в российском государстве. Интересен тот факт, что первоначально именно существительному *поискание* были присущи семантические признаки обнаружения какого-либо человека, лока-

лизации его пространственных характеристик. Итак, у существительного **поискъ** были значения, которые впоследствии оказались имплицированы из лексико-семантической системы современного русского литературного языка. Доминирующей в XV–XVI вв. оказывается сема ‘*боевые действия с целью нанесения вреда противнику, захвата пленных, добычи*’, репрезентированная, например, в следующем контексте: «Король к цесарю ... въ грамотѣ писалъ, что рать турская шла не по его королевѣ, землѣ, по своимъ мѣстомъ, а черезъ Днѣпръ перелѣзли не безъ поиску, на перевозѣхъ ротмистры его турскихъ людей громили» (Польс. д. III, 801, 1571 г.) [3, с. 134].

Лексико-стилистическая синкрета **поискъ чинити, учинити надъ** употреблялась в значении ‘*предпринимать/предпринять военные или карательные действия против кого-л.*’: «Как город укрепят, и князю Ондрею с товарищи над Кучюмом царем промышлять большими посылками, чтоб над ним поиск учинить, а себя от него уберечь» (Гр. Сиб. Милл. I, 357, 1594 г.); «Будетъ войною пойдутъ, въ дороге, и на сакмахъ, и на рекахъ, и по перелазамъ надъ ихъ юрты промышляли и поискъ чинили, чтобъ ихъ въ Московское государство не пропустить» (Дон. д. II, 83, 1641 г.) [3, с. 134]. Общая прагматика представленных контекстов может быть репрезентирована следующим образом: необходимо было осуществить некоторые мероприятия с целью разрешения антинормативной ситуации. Вслед за О.В. Никитиным, мы придерживаемся той точки зрения, что «деловой язык в XVI–XVII столетиях получает статус общегосударственного средства письменного общения и, благодаря своим широким функциональным возможностям, влияет на ментальность» [2].

Второе значение также репрезентирует картину активного деяния, связанного с таким увлечением человека в повседневной жизни, как ‘*охотничий промысел, охотничья добыча*’: «А которые на кречатьѣ ловлѣ не будутъ, и которые и будутъ, а въ поискѣ у нихъ птицъ не будетъ, и съ нихъ ясакъ иматъ ли, о томъ писано о указѣ къ великимъ государемъ къ Москвѣ» (ДАИ VI, 371, 1675 г.) [4, с. 134]. В данном случае актуализирован процессуальный признак, осуществлен метонимический перенос по следующей семантической линии: «действие» – «отдельный этап действия». Третье значение фиксирует ‘*обращение с просьбой, прошением*’: «Поискъ де был царские милости государя царя и великого князя Михаила Федоровича... по ее царицыну умышленью, говарила она царю Левонтью, што послать посла къ царской милости и проведать Московское государство» (Посольство Елчина, 326, 1640 г.) [3, с. 134]. В данном примере, на наш взгляд, репрезентируется становление профессиональной юридической терминосистемы, что определяется некоторой стандартностью словоупотребления, отсутствием эмоционально-стилевой окрашенности слова.

Как было отмечено ранее, «Словарь...» репрезентирует сему 'поиск, разыскание' в слове **поискание**, при этом высокий стиль письма, в котором аккумулируются данные семантические признаки, по-прежнему остается актуальным: «Посыланъ былъ посолъ къ вашей любви со многимъ дружнымъ братскимъ поисканьемъ, чтобъ ваша любовь о такомъ мѣшканьѣ, что наши послы долго не бывали, не покручинилися» (Рим. имп. д. II, 781, 1601 г.). [3, с. 134–135].

Второе значение рассматриваемого отглагольного существительного – 'то, что желают иметь, чем стремятся обладать': «Посы(ла)еть [царь] во отчину свою, царствующи преименити градъ Москву (с) своимъ царскимъ словом радостною вѣстиею къ брату своему... и къ царице своей... боярина своего Данила Романовича Юрьева, яко дарова ему богъ поискание прародители своихъ [Казанскую землю] (Каз. лет., 468, XVI-XVII вв.) [3, с. 135]. Заметим, что подобный смысловой контекст репрезентируется вторично в данной словообразовательной цепочке (ср. семантический потенциал предиката *поискати*). Желательность как неотъемлемый фактор порождающего начала того или иного действия носила соответственно частотный характер экспликации в том или ином лексико-семантическом ядре слова. Третье значение – 'усердие, старательность в выполнении какой-либо работы' – впервые начинает употребляться в памятниках первой половины XVII в.: «Дьячку Оничке дали за поискан<ь>е полтину денег» (Кн. расх. Кир. м. N 381, 29, 1606 г.) [3, с. 135]. Этот семантический признак располагается на периферии смысловой рефлексии существительного *поискание*. «Словарь...» фиксирует появление и лексико-семантической синкреты **въ поисканье дати** ('наградить за усердие в работе'): «Служебнику Федору Сараю в поисканье дано четыре алтына» (Кн. прих.-расх.мон. казн., 1665 г.); «В море на голомя ѣздил рыбы ловить... за тое ево работу сверхъ жалован<ь>я дано полтора рубли» (Кн. прих.-расх.мон. казн., 1671 г.) [3, с. 135]. Заметим, что два представленных примера, иллюстрирующих словоупотребление словосочетания *въ поискание дати*, находятся в одной жанрово-стилистической парадигме. Вслед за А.Г. Ганьковой, мы придерживаемся той точки зрения, что в приходно-расходных книгах присутствовали «особые формулы и термины в основной части текста» [1, с. 12].

Лингвоисточниковедческий анализ представленных контекстов позволил нам прийти к выводу о том, что в данной группе слов наблюдаются ядерно-периферийные диффузии лексико-семантических значений. Они были связаны с утратой одних смыслов и актуализацией других: так, например, типичная для розыскной системы лексема *поиск* до XVII в. функционировала совершенно в иных контекстах. Проведенное исследование еще раз подтвердило важность обращения к историко-лингвистическим словарям.

Следующий предикат, лексико-семантические и словообразовательные возможности которого будут рассмотрены в данной статье, – глагол совершенного вида **разыскати**. В истории русского литературного языка он выступал в многозначной семантической проекции. Заметим, что второе значение с точки зрения смыслового содержания оказалось полностью идентично первому: 1. *‘Разыскать’*: «Велѣлъ я холопѣ твой по Аргунѣ рѣкѣ розыскать мѣсто угожее, и въ томѣ угожемѣ мѣстѣ поставить острогъ» (ДАИ VIII, 326, 1681 г.) [4, с. 262]. 2. *‘Произвести поиски, разыскания по какому-л. вопросу’*: «А велѣти им [терским воеводам] на Терке розыскати и роспросити всяких чинов людей и иноземцовъ, трава марена на Терке в коих мѣстѣх растет и в колких верстах от города» (Астрах. а. № 2228, сст. 46 Наказ. 1650 г.) [4, с. 262]. 3. *‘Расследовать’*: «Велѣно казакомъ съ калмыки обсылку учинить, въ которыхъ мѣстѣхъ... съѣхатца, чтобъ на томѣ съездѣ мимошедшие ссоры и недружбы розыскать и успокоить» (ДАИ VII, 248, 1677 г.) [4, с. 262].

Лексико-стилистическая синкрета *произвести розыск, дознание* также была представлена в данной словарной статье. Трансформация обычного предикативного словосочетания в терминологическое оказалась связана с изменением его прагматического потенциала. Актуальной теперь становится функция называния официальных мероприятий, связанных с локализацией того или иного человека: «Не велите, государи, тому ихъ воровскому вымыслу повѣрять, и велите, государи, о томѣ розыскать и свой государский указъ учинить» (ДАИ, 56, 1682 г.) [4, с. 263].

Категория возвратности представлена в данных словарных контекстах: форма **разыскатися** предполагает однозначный характер словоупотребления (*‘выяснить и удовлетворить взаимные претензии, разрешить свой спор’*). Временная принадлежность этого предиката – вторая половина XVII в. (период статичного формирования розыска делового языка): «Мы, холопы ваши, поговоря меж себя полюбовно, в томѣ дѣле, в суд не ходя, розыскалис<ь> и помирилис<ь>» (А. Белоз. съезж. избы, карт. № 25, 1684 г.); «Истецъ Василей и онъ, отвѣтчикъ, Василей же, поговоря межъ себя... отсрочили полюбовно ноября до 1 числа 201 году, чтоб имъ въ томѣ его исцовѣ вышеписанномъ иску розыскатца» (АЮБ II, 655, 1692 г.) [4, с. 263].

Форма глагола несовершенного вида **разыскивати** начала активно функционировать в XVII в., что оказалось предопределено активизацией социальных институтов кабального холопства и ссылки. Семантический признак *‘производитъ расследование’* эксплицировался в юридических контекстах: «А будетъ которые скажутся, что служивали въ боярскихъ дворахъ, и отпускныя имъ были... и про тѣ отпускныя розыскивати, а будетъ розыскать нечѣмъ, и о томъ писать къ Москвѣ именно» (ПСЗ, I, 558, 1661 г.);

«Хотятъ красоярские подгородные качинские и аринские татаровя великимъ государемъ измѣнить и сложитца съ калмыками... И я, господине, то дѣло розыскиваю накрѣпко» (ДАИ V, 39, 1666 г.) [4, с. 263].

Важным для истории становления лексико-стилистической системы делового языка XVI–XVII вв. оказывается словоупотребления прилагательного **разыскной**, в котором напрямую эксплицировано значение притяжательности (*относящийся к розыску, сопряженный с розыском*). «Словарь...» фиксирует его появление во второй половине XVII века: «Не вели... у такихъ розыскныхъ дѣлъ быть, потому что я чернецъ скорбной» (АХУ II, 988, 1672 г.); «Память владѣнная съ розыскного вершенного дѣла... архимандриту Иосифу съ братиею, на демятинныя земли деревни ихъ Антоновской» (А. Уст. I, 246, 1697 г.) [4, с. 263].

В XVII в. отглагольное существительное **разыскание**, также репрезентирующее официальную систему поиска того или иного человека, получило наибольший статус репрезентации в розыскных деловых бумагах. В «Словаре...» оно представлено как однозначное (*расследование*): «И которые... люди въ сторонѣ королевского величества в порубежных мѣстех об<ъ>являють в ссорах,... с розыскан<ь>емъ по их винам наказан<ь>е» (Поруб. Д., 29 об. 1661 г.) [4, с. 262].

Таким образом, можно сделать следующий вывод, важный для определения места розыскного делового языка в русском литературном языке. Формирование стилистической системы происходило постепенно, носило в какой-то степени диффузный характер репрезентации. Последнее эксплицировало семантические признаки розыска того или иного человека статично (конец XVII в.). В следующие исторические периоды наблюдается некоторая экспансия языковых элементов из системы русского литературного языка, что способствует активному формированию розыскного делового языка.

Литература:

1. Ганькова Е.Г. Приходно-расходные книги севернорусских монастырей как жанр деловой письменности допетровского времени (на материале рукописей Николо-Корельского монастыря): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2006. – 18 с.
2. Никитин О.В. Речевые средства деловой письменности и их функционально-стилистический орнамент // Слово: Образовательный портал, 2008. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/40206.php> (дата обращения: 31.10.2013).
3. Словарь русского языка XI–XVII вв.: В 26 т. – Вып. 16. – М.: Наука, 1979. – 298 с.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв.: В 26 т. – Вып. 21. – М.: Наука, 1979. – 289 с.